

Анна Данилова

Японская молитва

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183841

Японская молитва: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-30802-6

Аннотация

Наконец-то они приняли решение избавиться от Милы. Жена Вадима была обречена умереть, а они – стать убийцами. Вернее, исполнение приговора возьмет на себя Лена, обеспечив Вадиму стопроцентное алиби... Лена Оленева уже не представляла себе жизни без Тахирова – этого сногшибательного красавца, женатого на стареющей миллионерше. У нее голова кружилась от счастья. И лишь эта молодящаяся гримза, Мила Белоус, отравляла им существование. Когда Лена избавит Вадима от его жены, он будет только ее, они поженятся, и все миллионы старухи достанутся им... Любовники уже детально продумали план убийства, все было готово, завтра это должно свершиться. Но Лену не оставляли смутные сомнения. Может, стоит одуматься, пока не поздно?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анна Данилова

Японская молитва

Дорогой учитель Митрес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне - любви -
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анке Кошидзе (франц)

Глава 1

Это была придорожная гостиница со странным названием «Спящий мотылек», двухэтажное строение из красного кирпича, утопающее в голубоватых тенях елей и сосен и окруженное черной металлической оградой. По обеим сторонам ворот во дворе стояло несколько автомобилей постояльцев, которых непогода загнала в это одинокое, но довольно привлекательное и уютное на вид пристанище. Лена Оленева поставила свой «Фольксваген» между джипом и новеньким «Рено», захлопнула машину и вошла в прохладный холл мотеля. Вадим предупредил ее, что в подобных гостиницах редко интересуются паспортами постояльцев, а потому довольно уверенно подошла к сидящей за конторкой девушке и, назвав себя Оксаной Кузнецовой – это было первое, что пришло в голову, – попросила двухместный номер с видом на поле. Она сразу, едва только увидела гостиницу, поняла, что окна ее выходят либо на трассу, либо на огромное желтое поле подсолнечника. Девушка за конторкой, облизнув пересохшие губы, полистала журнал и с пониманием кивнула головой.

– Вам повезло, есть как раз то, что надо... У меня комната тоже на это поле... Удивительно красиво...

– Вы и живете здесь? – от нечего делать спросила Лена, хотя, конечно же, ей не было никакого дела до этой малень-

кой веснушчатой девушки в белой блузке.

Она знала, что уже через несколько часов покинет эту гостиницу и эту девушку, что желтое поле подсолнечника останется в ее памяти лишь как приятное воспоминание того времени, когда все в ее жизни стало наконец приобретать какую-то определенность, а голова кружилась в предчувствии счастья.

– Да, приходится иногда и ночевать тут, – ответила ей девушка, заполняя строчку в журнале регистрации. – Оксана... Как отчество?

– Николаевна, – покраснев, проговорила Лена, начиная злиться на то, что ее никак не могут оставить в покое и отвести в комнату.

– Оксана Николаевна Кузнецова, – девушка снова облизала свою и без того воспаленную, покрасневшую верхнюю губу. – Второй этаж, комната десять. Ценные вещи можно оставить у меня в сейфе. Во дворе под навесом у нас маленькое кафе, так что можете пообедать или просто перекусить. Если понадобится утюг или таблетка от головной боли – обращайтесь ко мне...

Лена, прижимая к груди большую, но легкую сумку из джинсовой ткани, поднялась на второй этаж, открыла ключом дверь номера и оказалась в солнечной, но прохладной, уютной комнате с оранжевыми шторами, широкой кроватью, обычным набором необходимой мебели и телевизором. Конечно, это было несколько не то, на что она надеялась, со-

глашаясь приехать сюда, но, бросив сумку в кресло и растянувшись на кровати, она сочла ее довольно удобной, в меру мягкой и ровной, чтобы на ней можно было лежать в объятиях мужчины.

Лена оставалась так, без движения, довольно долго, где-то около четверти часа, постоянно прислушиваясь к доносящимся из окна звукам подъезжающих машин, пока это занятие ей не надоело. Она знала, что Вадим появится здесь ближе к вечеру, быть может, даже ночью, когда ему удастся наконец вырваться из-под ставшей ему тягостной опеки своей немолодой уже жены. Любовник Лены, Вадим Тахиров, тридцатилетний мужчина с примесью восточной крови, отличавшийся яркой, почти вызывающей внешностью – смуглая кожа, черные вьющиеся волосы, прекрасные белые зубы и голубые глаза, – вот уже пять лет был женат на Миле Белоус, очень богатой сорокавосемилетней женщине, которую Лене так и не удалось увидеть. По словам Вадима, не очень-то стеснявшегося в выражениях, когда речь заходила о его жене, Мила была стара, некрасива, ревнива до безобразия, подозрительна и вообще обладала манией преследования. У нее были собственный автосалон, два ресторана, но в силу своей недоверчивости к людям она все дела вела сама, контролировала лично всю бухгалтерию, следила за каждой вилкой и салфеткой в ресторанах, чуть ли не сдувала пылинки с дорогих и роскошных иномарок, которые выставляла в салоне на продажу, и вообще слыла в городе одной из самых се-

рзных и достойных доверия деловых женщин. В силу своей занятости она редко бывала дома, появлялась там глубокой ночью, смертельно уставшая, просила, чтобы Тахиров, муж, которого она, по словам самого Вадима, купила, приготовил ей ромашковый чай и помог принять душ.

– Она что, сама не может помыться? – с долей какой-то непонятной брезгливости и ревности спрашивала его Лена, когда он рассказывал ей об этой интимной стороне их супружеской жизни. – Она так устает, что у нее не хватает сил намылить мочалку?

– Как ты не понимаешь, – злился Тахиров, закуривая, словно эта тема была невыносима и для него самого, – это входит в мои обязанности. Если эта старуха полностью содержит меня... и тебя, кстати, не забывай... Так вот, если она так много денег тратит на меня, должен же я каким-то образом отрабатывать эти деньги? Думаешь, это так приятно: заходить к ней в ванную, поливать из душа ее тощее старое тело, массировать шею, спину или подавать полотенце? Да меня воротит от одного вида ее тела... Но я не могу вот так взять и бросить ее... Слишком много поставлено на карту. И потом – она меня любит...

Вот в этот факт Лена верила безоговорочно. Она понимала, что невозможно не любить такого молодого и красивого парня, который просто создан для женщин, для любви. Понимала она и то, почему сам Тахиров обратил внимание на нее, на Лену Оленеву, почему выбрал из огромного количе-

ства женщин именно ее. Да, она была красива, и ее внешне-
стью восторгались многие мужчины, которых она довольно
близко подпускала к себе. Но Тахирова привлекло в ней и
еще одно редкое качество, о чем он ей и признался однажды,
когда они были предельно откровенны друг с другом.

– Помнишь, ты рассказывала мне о том, как из ревности
набросилась в женском туалете на одну из своих подружек и
вцепилась ей в волосы?

Она сразу вспомнила, что действительно однажды имела
неосторожность рассказать ему о довольно-таки непригляд-
ной черте своего характера – о своей природной агрессии.
Она действительно однажды зимой, отдыхая в пансионате
вместе с двумя подружками из педагогического колледжа, не
выдержала, когда одна из соседок по комнате уселась на ко-
лени к парню, с которым Лена накануне поцеловалась. Она
довольно смутно помнила, как под действием выпитого ви-
на и нахлынувших чувств ревности и злости приказала этой
девчонке (кажется, ее звали Маринка) последовать за ней в
туалет для разборок, где неожиданно даже для себя приня-
лась избивать ее, таскать за волосы, а потом бросила ее с
разбитым носом, из которого хлестала кровь, на пол и стала
пинать ногами. Но Вадиму-то она рассказывала об этом со
смехом, чтобы развеселить его, а не для того, чтобы он вос-
принял эту сцену всерьез. Оказалось, что его привлекло в
ней именно это качество: уверенность в том, что она посту-
пает правильно.

– Ведь ты же нисколько не сожалела, что избил ее? – спросил он таким тоном, что Лена точно поняла, что он хочет услышать в ответ.

– Конечно, я редко когда жалею о том, что совершила. Я всегда знаю, чего хочу, и знаю, как этого добиться... – И снова ради смеха, чтобы придать своему образу немного человечности и женственности, добавила: – Ты же сам испытал это на себе...

Она имела в виду тот порыв страсти, который захлестнул ее в первый же вечер их знакомства, когда Тахиров приехал к ней домой на чашку чая и остался до поздней ночи. Лена, которой шампанское ударило в голову, хотела тогда только одного – чтобы этот голубоглазый мужчина взял ее... Она сделала все для того, чтобы это случилось, и, если бы не жена, поджидающая его дома, которая бы не потерпела его отсутствия ночью, он бы остался у нее – и, быть может, навсегда.

– Мне кажется, что она наняла частного детектива, чтобы следить за мной, – сказал он ей как-то раз, когда они лежали в постели в ее маленькой квартирке и слушали музыку. – Если так, то нам надо быть поосторожнее.

– Это невозможно, – тоном опытного во всех отношениях человека заявила Лена, в душе желая разрыва Вадима с женой, ведь после этого Тахиров останется с ней. – Куда бы ты ни отправился, даже на Луну, сыщик будет следовать за тобой. Наша жизнь превратится в настоящий ад, – выдала она

затасканную фразу из киношных мелодрам.

– Не превратится, – Вадим ответил так, словно знал гораздо больше ее, а потому был уверен, что этот день никогда не настанет. – Во-первых, я довольно быстро езжу по городу, ты знаешь, и никто за мной не поспеет. Во-вторых, если я замечу какое-то постоянное конкретное лицо и пойму, что это сыщик, то сам подойду к нему и предложу денег, чтобы только он помалкивал. Ведь сыщики – тоже люди, и в первую очередь их интересуют деньги.

– А деньги ты возьмешь, конечно, у нее...

– В этом-то весь смысл...

– И тебе нравится такая жизнь?

Очень скоро она поняла, что в их задушевных и откровенных разговорах в последнее время наблюдается определенная тенденция, которая хорошо чувствуется и понимается обоими, но не высказывается вслух. Мила Белоус отравляла им жизнь, это было так же ясно, как и то, что Лена Оленева уже не представляет себе жизни без Тахирова. Она ждала, когда же он заговорит об этом первый... Достаточно изменить приставку «из» на «у», как получится совершенно иной, папахивающий криминалом вопрос. *Ведь ты же ни-сколь-ко не сожалела, что убила ее?* Этот вопрос он задаст ей спустя какое-то время после того, как все это случится. Она ждала от него решительности, конкретного вопроса или предложения, но Вадим довольно долго молчал. И лишь месяц тому назад, когда ему показалось, что за ним действи-

тельно кто-то следит, он позвонил ей и назначил встречу на шумном рынке, где они, сначала смешавшись с толпой, потом уединились за какими-то торговыми палатками, достали сигареты и закурили, как двое измученных одним и тем же тираном сообщников.

– Надо что-то решать, – сказал он, судорожно сжимая пальцами сигарету. – Нужно срочно что-то делать, так дальше продолжаться не может. Я тоже человек, мужчина... Мне все это надоело. Она живет своей жизнью, вчера вот вернулась из Германии, такая холодная, неприступная, я попросил денег... Речь шла о ничтожной сумме, я же обещал, что куплю тебе машину, я даже присмотрел неплохой «Фольксваген», он прямо из Европы, почти новый, ему всего три года...

О машине он говорил с ней довольно часто, и она понимала, зачем эти разговоры, обещания. Он должен был приручить ее, подкормить, чтобы она в конечном итоге клюнула и заглотила его крючок... Но она пока не торопилась. Все-таки в основном это ему приходится терпеть от жены всяческие неудобства и унижения, вот пусть сам и думает, как ему лучше поступить. А уж она поможет, поможет, раз такие дела...

– И что же, она не дала тебе денег?

– Дала, но потребовала, чтобы я объяснил ей, зачем они мне нужны, – с раздражением, к которому Лена уже привыкла, ответил он.

– И что же, интересно, ты ей сказал?

– Пришлось соврать про карточный долг, поскольку это самое простое, что невозможно проверить... Она же не станет выяснять, кому я и сколько должен? Карточный долг может появиться в течение получаса и может достичь больших размеров... Кроме того, достаточно было ей сказать, что, если я не отдам эти деньги вовремя, у меня будут неприятности, чтобы она тотчас выложила всю сумму, практически не раздумывая... Она имеет представление, какое общество отирается в казино, а потому понимает всю опасность не возвращенного карточного долга.

– Гениально, – поддержала его Лена, в душе сомневаясь в невозможности проверить, кому и сколько он должен. У такой женщины, как Мила Белоус, наверняка много знакомых, которые спускают свои деньги в казино и знают все, что происходит за игорными столами. Но меньше всего Лене хотелось расстроить или, того хуже, разозлить Вадима. Поэтому она обняла его, поцеловала и прижалась щекой к его груди. – И где же эти деньги?

– Они здесь, как раз в нагрудном кармане, который ты сейчас целуешь, – рассмеялся он, ласково отстраняя ее и доставая конверт с деньгами. – Вот десять тысяч баксов...

В тот же день они поехали на автомобильный рынок и купили там «Фольксваген», о котором он говорил, и, что самое удивительное, Вадим предложил ей оформить автомобиль на ее имя. Это было верхом доверия и проявления любви. Она была счастлива, как никогда, поскольку в одноча-

сье стала обладательницей красивой, сверкающей хромированными деталями черной машины. И сам Вадим находился от сделанного им подарка в приподнятом настроении. Он был весел, доволен и, как ей показалось, тоже счастлив. Лена умела водить машину – несколько лет она ездила на стареньких «Жигулях», – а потому почти сразу же, мягко, без рывков, тронулась с места и покатила по улицам города, наслаждаясь ездой и той адреналиновой эйфорией, присущей человеку, который наконец-то поймал жизнь за хвост...

– А ты неплохо водишь, – услышала она над самым ухом и почувствовала, как сердце ее подпрыгнуло почти до самого горла и что она готова крикнуть, исторгнуть из себя победный и какой-то яростный клич, боевой клич, ведь она понимала, что означал этот подарок – обратной дороги уже не было, она должна будет отработать подарок, убить Милу Белоус.

– Мне следует еще немного потренироваться, – ей не хотелось, чтобы он почувствовал, насколько далека она была сейчас от него, и мысленно уже била по лицу неизвестную ей женщину и даже пинала ее ногами в женском (почему-то вокзальном) туалете. Она еще не представляла себе, как именно убьет ее, но предполагала, что, скорее всего, орудием будет пистолет, не станет же Вадим настаивать на том, чтобы она удушила ее, это слишком рискованно. – Мы с тобой немного покатаемся, ты меня подучишь, станешь на время моим инструктором...

Ей было важно, чтобы сейчас он видел в ней всего лишь слабую женщину, слегка подзабывшую машину, беспомощную и нуждающуюся в опеке. И он, похоже, так ничего и не понял, поверил ей и пообещал вечерами ездить с ней за городом, давать уроки вождения. Но все сложилось иначе. За Вадимом действительно установили слежку, он чувствовал это, но пока еще ему не удавалось выйти на этого человека, чтобы самому предложить деньги. Иногда, правда, он сомневался, и тогда они вместе с Леной смеялись над развивающейся у него подозрительностью. Хотя при желании Мила Белоус легко могла бы пойти на такой шаг, узнай она от своих приближенных, что никакого карточного долга не существовало и что десять тысяч долларов были потрачены на покупку машины для незнакомой особы. Лена постоянно думала об этом и даже однажды, не выдержав, сказала Вадиму:

– Мне кажется, что и за мной уже следят. Что стоит ей проследить и за мной, чтобы потом из ревности избавиться от меня... Пусть не убить, но все равно... испортить мне жизнь...

– Ты боишься ее? – Вадим почему-то развеселился. – Ты боишься ее, признайся?

– Во-первых, она твоя жена и любит тебя, во-вторых, ты обманул ее и купил мне машину, в-третьих, ей действительно ничего не стоит вычислить меня и устранить со своей дороги... Она же богата!

Как же ей хотелось, чтобы и о ней кто-нибудь сказал то

же самое. *Она богата!* Когда, когда же наконец и она станет богатой? Когда выйдет замуж за овдовевшего Вадима? Они купят дом на море (в этом их желания с Вадимом совпадали) и будут тихо-мирно жить, ни о чем не жалея и наслаждаясь друг другом, морским воздухом и купаясь в лени... Кто сказал, что человек рожден для страданий? Это смотря какой человек. Кто-то действительно, быть может, создан для труда и всяческих тягот, но этот кто-то знает об этом и тянет лямку всю жизнь, потому и не стремится к лучшему. А кому-то, таким, как, скажем, та же самая Мила Белоус, – все падает с неба. Откуда, спрашивается, у нее начальный капитал? Отец! Это его бизнес она прибрала к рукам, об этом всем известно. А что могли дать ей, Лене, ее родители? Хорошо вообще, что разбежались в разные стороны со своими пассиями, оставив ей небольшую квартиру и возможность жить самостоятельно. А если бы они не развелись и жили бы вместе с дочерью? Разве ж это была бы жизнь? И куда бы она приводила мужчин? Куда бы пригласила Тахирова? Да никуда! Мужчины редко куда приглашают своих дам, как правило, они женаты и особенно-то не утруждают себя заботами о том, куда привести любовницу, а потому действовать приходится женщине...

Она открыла глаза. За окнами гостиницы синело небо, а поле подсолнечника отливало оранжевым. Сколько же она проспала в ожидании новой жизни, в ожидании, когда же за

ней наконец приедут?

Лена села на постели, свесив ноги. Волосы на ее голове зашевелились, словно она только что поняла весь смысл этой поездки... Может, вернуться домой, пока не поздно? Пока еще ничего не произошло и *та женщина* еще жива? Но тогда из жизни Лены исчезнет красавец Тахиров, потенциальный миллионер, который любит ее и верит в нее, как ни в кого другого. Ведь теперь они – единое целое. И если он один не смог до сих пор сделать этого, не смог убить свою жену, то она должна помочь ему справиться с этой проблемой. Это совсем просто: подойти к человеку, вытянуть вперед руку с зажатым в ней пистолетом и спустить курок. Сколько раз она видела, как это делали в кино. Легко. Одним движением решались глобальные проблемы едва ли не всего человечества. Вот если бы, к примеру, кто-то набрался решимости и застрелил Гитлера весной 41-го, то и не было бы десятков миллионов погибших... Но то – Гитлер, а сейчас живой мишенью стала для них двоих женщина, лица которой Лена никогда не видела. Хотя могла бы. Что ей стоило прийти, скажем, в тот же автомобильный салон и сделать вид, что она хочет купить себе иномарку? Мила... Почему он зовет ее Милой, а не Людмилой? Имя «Мила» ассоциировалось у Лены с мягкой и женственной миловидной женщиной, такой, какой себя видела сама Лена. Красивое, ласковое имя: *Мила*. Да только уже из-за имени лишить ее жизни будет трудно... Хотя, может, ей достаточно будет увидеть ее, наверняка мо-

лодящуюся старую гримзу, чтобы ее рука не дрогнула... И все же она не представляла себе, как же то, что они с Тахировым задумали, может произойти реально? Где взять пистолет? Вадим сказал, что это не проблема, что оружие сейчас купить легко в магазине, надо только получить разрешение. Хотя, тут же осекся он, лучше всего нигде не светиться, не регистрироваться, а купить пистолет с рук, на рынке... Но это уже его работа. По плану он должен был приехать сегодня, 13 июля, поздно вечером в эту гостиницу «Спящий мотылек», расположенную в двадцати километрах от Саратова в направлении Волгограда.

– Какое странное название, – удивилась Лена, впервые услышав его. – Звучит поэтично...

– Вот и хорошо, пусть поэтично.

Она поняла, почему он так сказал. Ему тоже не хотелось думать о том, по какому поводу они должны были встретиться там. Вернее, он думал, конечно, об этом, но, вероятнее всего, как-то отстраненно, и тоже вряд ли представлял себе картину реального убийства. Для него главное заключалось в том, чтобы Мила исчезла из его жизни, подарив ему на прощание все те блага, которые были заработаны ею и ее отцом за последние десять-пятнадцать лет. Причем он считал это ее исчезновение справедливым, полагая, что она и так уже испила всю чашу наслаждений, какие только может испытать женщина под пятьдесят, ни в чем себе не отказывающая... Он приблизительно так и говорил, хотя для Лены выражение

«испить чашу до дна» означало выпить всю горечь жизни. Но теперь, когда они стали союзниками и приняли решение убить Милу, все эти выражения уже больше не играли никакой роли. Его жена была обречена умереть, а они обрекли себя стать убийцами. «Согласись, – однажды попытался нелепо пошутить Тахиров, – что убийцей стать все же куда приятнее, чем быть убитой... Ты не находишь?» Нет, конечно, он не понимал всего ужаса, кошмара того, что они задумали. Да и Лена почувствовала это лишь сейчас, когда осталась наедине с собой в гостинице со странным названием «Спящий мотылек».

– Почему именно в этой гостинице?

– Да потому, что я больше не знаю никакой другой... Мы с приятелем останавливались здесь, когда возвращались с его дачи, он почувствовал себя плохо, кажется, чем-то отравился...

– Вы не доехали двадцати километров до города?

– Как ты не поймешь. Ему стало совсем плохо... Начались рези в животе...

– И куда мы двинемся из этой гостиницы? У тебя уже есть какой-то план?

– Конечно, есть! Мила отправится в Синенькие к подруге на дачу. Но я сделаю так, чтобы подруги ее там не оказалось. Мила приедет, она знает, где найти ключ от дома, войдет туда, скорее всего, разделется, чтобы пойти на пляж, и вот в это-то время туда следом проникнешь и ты... Тебе нужно

будет только нацелить на нее пистолет и выстрелить. После чего, убедившись, что она мертва, ты покинешь дом. Я думаю, что тебе надо будет надеть парик или спрятать волосы под бейсболку, а то и вовсе одеться под парня... Ты спокойно выйдешь через калитку из сада в лес, пройдешь опушку, где предварительно оставишь машину, и вернешься домой. Все! Подружка приедет к вечеру, обнаружит труп, закричит, но потом возьмет себя в руки и вызовет милицию. У меня алиби будет железное – во время совершения убийства я буду находиться в каком-нибудь людном месте, скорее всего в нашем салоне, сделаю вид, что поджидаю Милу, меня там все знают и, когда понадобится, подтвердят, что я полдня прождал ее там...

– А я?

– А при чем здесь ты? Тебя никто не знает и никогда не узнает... Ты тут вообще ни при чем... Почему ты думаешь, что тобой кто-то заинтересуется? К тому же после того, как все будет сделано, ты поезжай, скажем, в парикмахерскую, устрой там небольшой скандалчик, с тем чтобы тебя хорошо запомнили... Но уверяю тебя, все это лишнее и никто и никогда тебя ни в чем не заподозрит...

– Но зачем же нам тогда встречаться в «Мотыльке»? – Она уже ничего не понимала. – Зачем, если все должна сделать я, в то время как ты будешь спокойно пить кофе в своем салоне?

– Да нет, ты не поняла... Я приеду в гостиницу, мы прове-

дем там несколько часов, еще раз хорошенько все обсудим, затем рано утром мы вместе, вернее, каждый на своей машине, доедем до Синеньких, я покажу тебе, где находится дача подруги, после чего мы вернемся обратно... Ты останешься в гостинице и подождешь до трех часов дня – приблизительно в это время Мила проедет мимо этой гостиницы в Синенькие, – а я вернусь в город. Ты что, трусишь? Быть может, ты уже передумала?

– ...а потом я одна поеду в Синенькие и убью твою жену?
– Тебе страшно, маленькая моя?

Когда он называл ее так, она терялась, она уже не принадлежала себе, она готова была ради него на все. Чувствуя его горячие губы на своем теле, она переставала что-либо соображать, и лишь одна мысль, как жало пчелы, саднила и жгла: и этим мужчиной, как автосалоном, владеет та, другая женщина? Объятия Вадима придавали ей сил, блаженство охватывало ее, когда она представляла себе, что после того, как она сделает *это*, Тахиров будет принадлежать лишь ей... За все надо платить: за любовь Вадима Лена заплатит смертью, заплатит смертью Милы. А Вадим пусть расплачивается угрызениями совести, если таковые к тому времени отыщутся... Она не представляла себе, как пострадает сам Вадим, как заплатит за все те блага, которые обрушатся на него после смерти жены. Скорее всего, никак. Не каждый и не всегда расплачивается. Он – небожитель, природа наградила его такими внешними данными, словно выбрала его из

тысяч и тысяч мужчин, чтобы он улаждал женщин. Это – его единственное предназначение, вот пусть он и улаждает теперь ее, Лену. Она заслужила это своей преданностью и готовностью совершить ради него преступление...

Уже одиннадцать, но Вадима еще нет. Где он? Что делает? Раздобыл ли он пистолет? Не поссорился ли он с женой? Быть может, она передумала ехать завтра в Синенькие к подруге и он улаживает это, пытается уговорить ее поехать туда... «Ты поезжай, дорогая, мне что-то нездоровится... так, мигрень... А завтра я подъеду к вам, мы искупаемся, позагораем. Ну же, соглашайся, ты не должна из-за меня лишать себя удовольствия... Ты же знаешь, как я тебя люблю. Ну же! Стой, повернись... какие у тебя красивые серьги... А блузка? Что-то я не видел раньше у тебя этой блузки... Ты привезла ее из Италии? Шикарная вещь... не торопись... я сам расстегну пуговицы... Это настоящий перламутр? У тебя прекрасный вкус... Встань вот так... ты же тоже хочешь этого... Мы оба хотим этого...»

Лена мысленно видит, как он наматывает на кулак волосы своей жены (он делает так всегда перед тем как взять женщину, Лене об этом известно, как никому другому), чтобы в последний раз доказать ей свою *любовь*. Он добрый, он очень добрый, Вадим...

Где он? Почему не звонит ей на сотовый? Нет такой причины, по которой бы он не смог позвонить. Он в городе, где

связь отличная, разве что он спустился в какой-нибудь ресторан, расположенный в подвале, где, словно в бункере, нет никакой связи... Почему он не звонит? Неужели он не понимает, в каком состоянии она находится, как волнуется перед тем, что ей предстоит сделать завтра? К тому же он сам говорил, что у него есть номер телефона самой гостиницы, причем номер городской, до которого дозвониться проще простого. Однако он не звонит... Может, он попал в автокатастрофу? Это, пожалуй, единственная причина, по которой он не смог бы дозвониться... Но об этом она не думает, не желает думать. Это было бы слишком подло со стороны провидения. Нет, так не бывает. Таких красивых мужчин природа оберегает...

Она почувствовала холодок внутри, где-то в желудке, и легкая волна тошноты, замешенной на страхе, поднялась к горлу... А может, он просто передумал? Испугался по-настоящему?! Ведь если все раскроется, она не станет молчать, нет, она не сможет взять всю вину на себя, не позволит ему оставаться на свободе, чтобы он принадлежал другим женщинам, пусть уж лучше мужчинам, в тюрьме, чем смазливый девицам, которым он достанется даром... И он это знает, он знает, что она не будет молчать и что выдаст его на первом же допросе, расскажет, что это именно ему принадлежала инициатива убить свою жену. Что проку ей, лично ей, Елене Оленевой, от смерти Милы? Она же не наследница!

Эти мысли убивали в ней последние остатки решимости.

Там, в женском туалете, избивая Марину, она действительно нисколько не сомневалась в том, что поступает правильно. Ей сделали больно, чуть не увели парня, за это надо наказать и тоже сделать больно, иначе в обществе будет царить хаос, беспредел. Чтобы люди придерживались каких-то общих правил и не зарывались, и существует наказание, месть... Как же иначе?

Наконец в дверь постучали. Лена бросилась к двери, распахнула ее...

Глава 2

Перед ней стояла маленькая веснушчатая девушка в белой блузке.

– Вам звонили, просили передать, чтобы вы еще немного подождали...

Лена от счастья чуть не расплакалась. Господи, все хорошо, ничего не отменяется, просто что-то мешает ему приехать к ней сейчас. Да к тому же поздно, а ночевать он должен дома, это неперемное условие его семейной жизни.

– Вы будете ужинать?

– Да, теперь, конечно, буду... Но... как... как вы узнали, что звонили именно мне?

– Вы – единственная «красивая девушка на „Фольксвагене“», которая остановилась у нас...

– Так и сказали?

– Да, так и сказали... – улыбнулась девушка. – Есть холодный шашлык, сыр, можно приготовить яичницу, салат из помидоров.

– Я сейчас немного приду в себя и спущусь...

Когда за девушкой закрылась дверь, Лена еще некоторое время стояла, прислонившись к стене и прижав к груди сжатые кулаки. Ее немного трясло. С одной стороны, она была рада, что ей все-таки позвонили и предупредили, что задержатся, но с другой, это означало, что все остается в силе и что

завтра утром приедет Вадим; они проведут несколько часов в номере, потом он отвезет ее в Синенькие, покажет место, где она должна будет убить его жену.

Она знала, что ей нужно, но не представляла, как этого достичь. Ей надо было, чтобы завтра к трем часам она ненавидела эту Милу Белоус так же яростно, как ненавидела она в свое время Марину, которую застала целующуюся со своим парнем. И хотя того парня (а он был из местных, некрасивый, грубоватый, от него пахло почему-то шерстью и дешевыми папиросами) она не любила и целовалась с ним в темном коридоре пансионата просто от скуки, все равно ей было неприятно, что его целовала Маринка. А Тахирова она любит, любит, вот только не видит, как его целует старая вешалка – Мила. И не только целует, но еще и заставляет улаживать себя... Боже, какая мерзость!

Эту фразу она, оказывается, произнесла вслух, уже на лестнице, по которой спускалась вниз, на террасу, расположенную с противоположной от трассы стороне гостиницы, окруженную густыми хвойными деревьями. Террасу освещали веселые желтые фонарики. В кафе, кроме девушки в белой блузке, никого не было.

– Вы пришли? Что будете заказывать?

– Мне вина, красного... У вас есть «Кадарка», немецкая?

– Нет... Есть «Пино»...

В конечном счете она попросила сделать ей коктейль из кагора с грейпфрутовым соком. Ей подали яичницу с поми-

дорами и сыр с зеленью. От холодного шашлыка она отказалась. У нее и без того в желудке было холодно от страха перед завтрашними событиями...

– Вас как зовут? – спросила она наконец девушку, которая явно скучала, сидя за соседним столиком, покуривая дурно пахнущую сигаретку.

– Оля! – просияла та, поворачиваясь всем корпусом к Лене. – Ну как вам отдыхалось? Вам понравился вид из окна?

– А разве он может не понравиться? Кстати, хотела спросить, почему ваша гостиница носит такое странное название?

– «Спящий мотылек»? Да это наш хозяин оригинальничает... Знаете, он совершенно не деловой человек. Стихи пишет, вообще увлекается поэзией... Кажется, он вычитал это название в каких-то японских стихах... Знаете, вы не первая, кто спрашивает меня об этом мотыльке. Я могу принести книгу, которую мой хозяин специально держит для гостей. Это стихи. Книга самодельная, он сам отдавал ее в переплетную мастерскую, чтобы в ней печатный текст чередовался с чистыми страницами. Здесь бывает много людей, некоторые от скуки, ожидая кого-нибудь, разгадывают кроссворды, а некоторые сочиняют стихи. Короткие японские стихи, хозяин рассказывал, называются хайку. Мне лично нравятся... Хотите прочитаю?

Оля принесла действительно очень странную книгу, страницы которой были украшены изящными рисунками: цветы,

птицы, узкоглазые симпатичные японочки...

– Почитайте...

Фазан длиннохвостый дремлет —

Долог хвост у фазана.

Эту долгую-долгую ночь

Ужели мне спать одному?

– Красиво... Вроде так просто, а красиво... И словно бы про меня... – внезапно разоткровенничалась Лена. – И хотя поблизости нет фазанов, но ночь действительно обещает быть долгой, и спать я буду одна...

И вдруг ее бросило в пот. Какая же она дура! Зачем она вообще пошла на контакт с этой рыжей девчонкой, нарисовалась?! Завтра она станет убийцей... зачем ей понадобилось, чтобы ее кто-то запомнил? Дура, дура, дура!!!

– Или вот еще, – продолжала ничего не подозревающая Оля, блаженно улыбаясь от следующей хайку:

Ива свесила нити...

Никак не уйду домой —

Ноги запутались.

«Да это же тоже про меня! Это я запуталась... Вконец. Ива свесила нити... Никак не уйду домой... Вот сейчас возьму и уеду. Сяду в машину и уеду... Или нет, просижусь всю ночь с Олей, а утром уеду в город и сразу в парикмахер-

скую... Вдруг Вадим уже убил ее... Они могли поссориться, и он застрелил ее... Зачем мне вообще впутываться в эту историю? Зачем садиться в тюрьму, когда мне и так хорошо... Продам машину и заживу... Лучшие, конечно, не продавать...»

О, проснись, проснись!
Спящий мотылек!
Стань товарищем моим, —

вот это самое стихотворение, которое, видимо, произвело неизгладимое впечатление на моего хозяина! – воскликнула Оля, обрадовавшись тому, что нашла нужное стихотворение. – Или вот, смотрите!

В дорожной гостинице переносной очаг,
Так, сердце странствий, и для тебя
Нет покоя нигде.

Правда, красиво?

«И это тоже про меня... И про дорожную гостиницу, и про переносной очаг... Почему меня вечно куда-то несет? И никогда и нигде нет покоя...»

Ей вдруг захотелось домой. Запереться, лечь под одеяло и забыть обо всем, что так тревожит душу и не дает покоя. Да как она вообще додумалась до такого? Деньги? Чем не устраивало ее положение любовницы Тахирова? К черту замуже-

ство! Жила бы себе спокойно, встречаясь с ним в гостиницах или дома, и ни о чем не волновалась. Внезапно ее охватила ярость. *«Интересное дело, его даже не будет там, на даче! Но почему? Значит, на момент убийства у него будет стопроцентное алиби, а я, совершив всю самую грязную работу да еще и нарисовавшись перед соседями по даче, попаду под главный удар? Как же это меня не вычислят, если сразу же после убийства Милы мы будем ходить с Тахировым под ручку, он наверняка представит меня своим друзьям, я выйду за него, наконец, замуж! А потом, в один прекрасный день меня узнает кто-нибудь из тех, кто находился на момент убийства Милы в Синеньких... Стоп. А где обещанный парик? Бейсболка? Мужская одежда? Пистолет, наконец? У меня не будет времени даже на то, чтобы потренироваться, пострелять! Что же это он думает, что я автомат какой, совершенно бесчувственная? И почему, если у него была возможность позвонить на гостиничный телефон, он не позвонил мне на сотовый?»*

Она на всякий случай решила проверить, работает ли ее сотовый.

– Оля, вы позволите мне позвонить в город? – спросила Лена Олю, по-прежнему сидящую за столиком и бормочущую себе под нос японские стихи.

– Да конечно, о чем речь! – девушка вяло махнула рукой. – Телефон там, по коридору и налево...

Лена быстро нашла телефон – вокруг не было ни души,

вся гостиница спала, и лишь одна сонная муха билась о стекло большого стеклянного абажура лампы, стоящей на столике возле конторки. Лена позвонила себе на сотовый и, услышав знакомую электронную мелодию, почувствовала, как волосы на ее голове зашевелились. Вероятно, она только что бессознательно примеряла на себя ситуацию, как если бы ее телефон по-настоящему ожил от звонка Вадима. У нее даже живот разболелся за какую-то минуту, пока она представляла себе все те последствия, которые должны будут произойти после такого вот звонка. Больше того, она мысленно поговорила с Тахировым:

«– Лена? Это я. Привет.

– Привет. Ты так долго не звонил... Где ты? Когда приедешь? Я вся извелась...

– Не переживай, просто у нас тут возникли кое-какие сложности... Но я все уладил. Подъехать смогу теперь только рано утром. В три часа Мила поедет в Синенькие, я сам слышал, как она договаривалась с подругой.

– А подруга? Ее точно там не будет?

– Точно, можешь не беспокоиться на этот счет.

– А парик... и все остальное?

– Я все привезу.

– Мне бы потренироваться пострелять...

– Слушай, разве можно по телефону говорить такие вещи? Ты что, с ума сошла?

– Прости... Но я в комнате совсем одна.

– Надеюсь, ты зарегистрировалась под чужим именем?

– Да, конечно...»

Она замотала головой. «Как же интересно устроен мозг, – подумалось ей в ту минуту, – ведь я действительно слышала его голос, как если бы это был настоящий звонок». Ей стало даже не по себе.

Она вернулась за столик и попросила Олю приготовить ей кофе. Сна все равно не было, а так она хотя бы немного взбодрится. Она подумала о том, что через несколько часов станет настоящей преступницей и что только от нее самой будет зависеть, сумеет она выкрутиться из создавшегося положения или нет. Тахиров, конечно, ее подстрахует, ему это будет несложно; если потребуется, придумает что-нибудь, чтобы помочь ей с алиби, но ведь он все равно ничем не рискует, абсолютно. Значит, ей надо хорошенько все обдумать, чтобы, в случае если у него сдадут нервы или он совершит какую-то ошибку, она оставалась бы в безопасности.

После первого глотка кофе ее бросило в жар: она представила себе, как сразу же после убийства жены Тахиров делает вид, что вовсе не знаком с ней, с Леной... Разве это не выход для человека, который чужими руками освободил себя от такой обузы, как старая жена, решив тем самым все свои жизненно важные проблемы, и теперь думает только о том, чтобы эта история была как можно скорее забыта? Разве Тахиров не способен на это? Разве не способен бросить ее, сделав вид, что между ними ничего и никогда не было?! Да для

человека, решившегося на убийство собственной жены, это вообще суший пустяк. Где гарантии, что он женится на ней?

Выпив кофе, она перевернула чашку на блюде, потом заглянула внутрь и увидела кофейный пейзаж: рисунок напоминал почерневшее кладбище с крестами и стаями ворон... Ей стало дурно. Мысли одна нелепее и страшнее другой полезли в голову... А что, если он после убийства убьет ее, Лену, единственного свидетеля и исполнителя? Если расследованием убийства такой известной в городе женщины, как Людмила Белоус, станут заниматься особенно тщательно – наверняка дело будет громким, – то кто вспомнит о существовании Лены Оленевой, девушки ничем не примечательной, необщительной?.. Ведь у нее даже подруг нет. Бывшие любовники? Чушь! О ней забывали уже на следующий день, она знала это. Соседи по дому? Да она ни с кем даже не здоровалась. Ну исчезла девушка, что жила через стенку, да мало ли куда она могла уехать? Наверно, вышла замуж и переехала... Другое дело, что Тахиров, – трус и не сможет застрелить ее, раз не решается выстрелить в жену. Значит, он ее просто отравит. И даже если у него этого и в мыслях не будет, Лена не сможет не думать об этом. Ее отношения с Тахировым сразу после убийства изменятся, испортятся, приобретут совершенно иную окраску, вероятно, они из любовников превратятся в злейших врагов, поскольку будут напоминать друг другу о совершенном преступлении.

Ей стало трудно дышать... И тем не менее она достала си-

гарету и закурила. Похоже, зря она рассказала Тахирову о том, что избил Маринку в пансионате. Хотя вскоре после этого, довольно постыдного признания она, даже не подозревая, что именно этот факт из ее биографии как раз и вызвал у Тахирова к ней особый интерес, специально, чтобы у него не сложилось о ней превратного впечатления, поспешила рассказать совершенно другую историю, где она выступала уже в роли спасительницы. Глупость, конечно, но однажды, уже будучи взрослой, она полезла на старый дуб и сняла спасавшегося от дворовых собак и потому забравшегося довольно высоко на дерево котенка.

Она курила и думала о том, как спокойно она будет жить уже завтра, когда откажется от участия в задуманном. Нет, она не станет стрелять в ни в чем не повинную женщину только лишь для того, чтобы освободить от нее Тахирова. У нее ведь нет никаких гарантий. К тому же это очень опасно. Пусть он нанимает профессионального киллера, который и выполнит за него эту грязную и опасную работу. Каждый должен заниматься своим делом. И если Тахиров действительно, как говорит, любит ее, то женится и так, не вынуждая ее расплачиваться за это неземное счастье. А если не любит, так тем лучше, она хотя бы не станет жалеть о том, что отказалась помочь ему. Если не любит, тогда его тем более надо опасаться. А если любит, то все равно женится. Вот теперь мысли ее стали ясными, прозрачными и легли в строгом порядке. Стало даже легче на душе. Словно тяжесть с души

свалилась.

Оля между тем, пожелав ей спокойной ночи, ушла. Лена бы тоже отправилась спать, но ей почему-то не хотелось возвращаться в комнату, где, как ей казалось, еще продолжали витать тени ее прежних мыслей, где витал образ Милы Белоус, уже одной ногой стоящей в могиле... Но и оставаться в кафе под открытым небом было также небезопасно. А что, если подъедет машина с неизвестными, которые захотят перекусить или переночевать, увидят девушку, в голову ползут дурные мысли, им захочется поразвлечься... Ведь кругом – ночь, трасса, по которой летают, как обезумевшие гигантские насекомые, сверкающие машины... Вжик-вжик...

Лена в который уже раз позвонила по сотовому Тахирову. Его аппарат был выключен. Но почему? Почему? Что стоило ему перед тем, как отправиться спать со своей Милочкой, позвонить ей, успокоить, сказать пару ласковых слов?!

Она подошла к ограде и устремила взгляд на трассу. Сейчас она представлялась ей живым существом. Ей даже показалось, что она дышит и как бы приглашает за собой в далекое путешествие... Сквозь подсвеченную светом фонаря зелень растущих вокруг мотеля ив просматривалась автостоянка, где среди машин пристроился и ее симпатичный, матово поблескивающий боками черный «Фольксваген». Если Лена скажет Тахирову завтра, что отказывается участвовать в задуманном, то ей придется распрощаться с автомобилем. Она знала это наверняка, как и то, что она расстанется не

только с машиной, но и с самим Тахировым. Она вновь будет одна, без денег, без работы... Слово *работа* вызывало в ней саднящее чувство вселенской несправедливости, которое мешало ей жить. Она понимала, что большинство людей все же работает, чтобы прокормить себя, свою семью, чтобы что-то приобрести в этой жизни. Но это большинство, к которому она себя никак не могла причислить, представлялось ей огромным разношерстным стадом. Такие, как она или Тахиров, стояли особняком, и их предназначение в этой жизни сильно отличалось от того, для чего появились на свет остальные. Природа одарила их красотой, а потому они являлись ее избранниками. А раз так, то общество, которое они призваны наполнять этой самой своей красотой, должно позаботиться о них, как, скажем, заботится Мила Белоус о своем красивом и молодом муже, как заботятся и содержат богатые и некрасивые мужчины красивых девушек. Это нормально, естественно, так уж устроен мир. Но если Тахиров нашел ту, которая могла его хотя бы в материальном плане сделать счастливым, то что мешает ей, Лене, найти себе такого же толстосума, щедрого, доброго и готового ради нее на все? Просто она еще не встретила свою судьбу... И уж она-то не станет его убивать только для того, чтобы, став вдовой, вволю пользоваться его денежками. Она – девушка благодарная, она будет любить своего «папика»...

Ее вдруг затошнило при мысли, что ей когда-нибудь придется ложиться в постель с седым, пахнувшим лекарства-

ми «папиком»... Почему она должна терпеть его за деньги? И как сделать, чтобы стать богатой без чьей-либо помощи? Ограбить банк? Ха! Что она умеет делать? Закончив курсы бухгалтеров и поработав несколько месяцев в одной из частных фирм, Лена стала любовницей шефа и очень скоро бросила работу. Потом шеф бросил ее, а она встретила другого мужчину, который, как она думала, смог бы обеспечивать ее. Но оказалось, что у него жена и двое детей, которых нужно учить... Короче, она сама ушла от него, когда он в очередной раз отказал ей в деньгах. Время от времени Лена устраивалась куда-нибудь секретаршей в надежде выйти замуж за приличного, состоятельного человека, но все было тщетно. И вдруг эта встреча с Тахировым... Завтра она объявит ему о том, что выходит из игры, они расстанутся, ей придется отдать ему машину и вернуться к своему прежнему образу жизни, влачить нищенское существование и ждать очередного мужчину... Незавидное будущее. А что, если ей познакомиться с самой Милой и обо всем рассказать ей? Подружиться с ней и попроситься к ней на работу? Хотя что она умеет делать? Мыть полы в автосалоне? Не слишком ли это унижительное занятие для бывшей любовницы ее мужа? Даже если мадам Белоус будет платить ей при этом приличные деньги. Но с какой стати? Выслушав рассказ Лены о готовящемся покушении, вряд ли Мила будет держать возле себя такую особу, как Лена. Во-первых, она потенциально опасна, раз поначалу вообще согласилась на такое, и уже поэтому

от нее надо держаться подальше. Во-вторых, если она предала Вадима, то, значит, способна предать кого угодно, в том числе и Милу, которая по этой же причине сделает все возможное, чтобы только отделаться от человека, сообщившего ей такую, мягко говоря, неприятную новость о готовящемся (пусть и сорванном) заговоре с целью убийства. В любом случае Мила никогда не оставит ее при себе. Значит, Лена в случае отказа от запланированного убийства никому не будет нужна: ни Тахирову, ни Миле, останься та живой. И, что самое ужасное, никаких гарантий. Значит, ей тем более надо все забыть и исчезнуть на время. И пусть тогда Тахиров ищет ее и ждет лихорадочно звонка, пусть себе думает все, что угодно, раз он так обошелся с ней...

Чем больше Лена об этом думала, тем сильнее ее разбирала злоба на Вадима. Ну почему он не звонит? Поговорил с администраторшей и на этом успокоился? Не захотел даже услышать голоса Лены? Трус!!!

Она закурила следующую сигарету. Как жить дальше? Боже, как часто она задавала себе этот вопрос, и как мучительно было искать на него ответ. Да никак. Она вообще не умеет жить самостоятельно. Не умеет копить деньги на черный день, а проматывает их с бешеной скоростью, едва они у нее заведутся. Разве так вообще можно жить в ее-то положении? Ни работы, ни преданных друзей, ни возлюбленного (Тахиров, быть может, из-за ночной темноты и прохлады, из-за свиста пролетающих по трассе машин, из-за общего настро-

ения безысходности показался ей сейчас совершенно чужим человеком и даже опасным), ни родителей рядом, никого, кто бы протянул ей руку и сказал: поживи немного со мной, успокойся, приди в себя, все хорошенько обдумай, я помогу тебе найти хорошую работу, я устрою тебя, ты не будешь голодать, у тебя будет все хорошо... Да только где взять такую родную душу?

Она закрыла глаза и увидела спальню, где на широкой кровати спят на дорогих льняных простынях Тахиров со своей женой... Лена была в этой квартире, Вадим показывал ей, какое уютное гнездышко свила для своего обожаемого мужа Людмила. Это маленький дворец с роскошной мебелью, посудой, живыми цветами и безделушками, привезенными со всего света. Огромная двухъярусная квартира в центре города с видом на церковь и музыкальный фонтан. Если Лена все же согласится и поедет завтра в Синенькие, чтобы привести приговор в исполнение, то это еще не означает, что на этой широкой кровати в спальне рядом с Тахировым не будет лежать другая смазливая девица...

А что, если позвонить прямо к нему домой и разбудить эту сладкую парочку? Кто возьмет трубку? Вадим? Вот тогда-то она и спросит его, почему он ей не звонит, почему заставляет ее так мучиться? Интересно, что он ей ответит? Скорее всего, дежурное: «Вы ошиблись номером». Затасканная фраза, без которой не обходится ни один адюльтер. Но зато он и разозлится! И тут ей пришла мысль о том, что он сам мог пе-

редумать. Испугаться и передумать. Он тоже человек со своими чувствами и страхами. Быть может, ему просто стыдно признаться ей в этом, поэтому-то он и не звонит. Пока была решимость, он позвонил и сказал Оле-администраторше, чтобы она передала «красивой девушка на „Фольксвагене“», чтобы та еще немного подождала. Но потом, когда он вдруг понял, что не способен принять участие, пусть и косвенное, в убийстве жены, ему уже было вроде бы и незачем звонить в мотель.

Лена побрела в свой номер. Никогда у нее еще не было так скверно на душе. Сколько переживаний, планов, надежд – и все напрасно. Ну и пусть. Сейчас она поднимется к себе, примет горячий душ и ляжет спать. Утро вечера мудренее.

Глава 3

– Моя фамилия Дубровиц, вы мне звонили.

В приоткрытую дверь заглядывал мужчина средних лет, и следователь прокуратуры Олег Медведкин тотчас кивнул головой:

– Да-да, проходите, пожалуйста. – Олег даже поднялся со стула, хотя особой необходимости в этом не было. Видимо, внутреннее чувство вины дало о себе знать. Вина – какое странное слово. Разве можно кого-то обвинять в том, что произошло, кроме той, из-за которой погибла несчастная девушка... Да и как можно было найти ее, когда никто, кроме мастера, устанавливающего посудомоечную машину, не видел ее. К тому же прошло уже больше пяти лет.

– Я представления не имею, зачем вы меня вызвали... Поверьте, мне не легко было сюда прийти... – Дубровиц, довольно красивый мужчина в светлом костюме и с темно-красным зонтом-тростью присел на предложенный Олегом стул и тяжело вздохнул.

Валерий Дубровиц был мужем Наташи Дубровиц, трагически погибшей пять лет тому назад. По словам мастера, устанавливавшего у них посудомоечную машину и случайно вернувшегося в квартиру (входная дверь оставалась открытой) за забытым инструментом, Наташу, стоявшую на подоконнике в гостиной и рулеткой измерявшую высоту ок-

на, сильно толкнула подошедшая сзади девушка, которую он прежде в квартире не видел. Казалось, она материализовалась из воздуха, потому что до этого момента – а мастер провёл у Дубровицей часа полтора – ее в этом доме не было, а если она и была, то вела себя крайне тихо, с хозяйкой квартиры, молодой женщиной по имени Наташа, не разговаривала, возможно, скрывалась в одной из пустующих пока комнат новой квартиры. Мастер, его фамилия Жук, Виктор Жук, не сразу понял, что произошло. А когда понял, не мог поверить в случившееся. Мимо него темной птицей прошелестела платьем девушка-убийца, даже не заметив его, и, лишь когда он окликнул ее, она резко повернулась, и вот тогда он очень хорошо разглядел ее лицо, глаза, высокий лоб, маленький пухлый рот... Она в ужасе отскочила от него, должно быть испугавшись, поскольку не ожидала встретить в квартире постороннего, и тут он увидел ее маленькое розовое ухо, такое аккуратное, удивительной формы, напоминающее розу, и запомнил его на всю жизнь.

Жук бросился к окну и выглянул вниз, чтобы убедиться, что ему все это показалось, что хозяйка дома где-то рядом, на кухне или в спальне, но увидел на тротуаре возле подъезда нескольких человек, а возле их ног – распростертое тело... Наташа была блондинкой с белой кожей, да еще и в белом шелковом халатике – сплошное белое пятно, окрашенное красным, вот что он увидел внизу и похолодел от ужаса. Сбежать он не мог, понимал, что его быстро вычислят, по-

скольку у Наташи оставалась квитанция на установку посудомоечной машины, да и в сервис-центре все знали, что он поехал по этому адресу. Отпрянув от окна – его уже успели увидеть те, кто стоял внизу, – сел в комнате на стул и стал ждать, когда за ним придут.

Следователь прокуратуры Медведкин подробно расспросил его обо всем, что тот видел, и, скорее всего, сразу поверил в его невиновность – уж слишком много людей знало о том, что он едет сюда, в эту квартиру, потому что в провинциальном городе покупка и установка посудомоечной машины – явление довольно редкое.

Со слов Жука составили фоторобот, который разослали во все отделения милиции, расклеили на столбах в том районе, где произошло убийство, а то, что это именно убийство, а не несчастный случай, было очевидно: из квартиры пропала крупная сумма денег, приготовленная на покупку машины.

Вдовец Валерий Дубровиц, выслушав рассказ Жука о незнакомке, столкнувшей его жену с подоконника, предположил, что это была новая знакомая Наташи, некая Катя, по словам покойной жены, «милая девушка», с которой они познакомились в салоне штор, где Наташа выбирала портьеры для квартиры. Катя была не то дизайнером, не то художником-оформителем. Валерий видел ее один раз, да и то мельком, когда они с женой проезжали по улице на машине и Наташа с кем-то громко поздоровалась, окликнув по имени: «Катя! Салют!»

– Вы могли бы узнать ее?

– Думаю, да... – ответил Дубровиц Медведкину.

Зная мягкий и доверчивый характер своей жены, Валерий предполагал, что Катя, скорее всего, сначала выследила свою будущую жертву, затем вошла к Наташе в доверие, после чего, вероятно, Наташа пригласила ее домой, чтобы та посоветовала, какие шторы лучше выбрать. Возможно, Наташа сказала что-то лишнее, о той же покупке машины, а может, Катя знала о том, что накануне была обменена крупная сумма долларов на рубли... Как бы то ни было, но эта Катя пришла к Наташе как раз тогда, когда деньги были уже в квартире, сделала так, чтобы Наташа забралась на подоконник, после чего столкнула ее, забрала все деньги, которые Наташа, скорее всего, хранила в своем туалетном столике, и сбежала. Но в тот момент, когда она убегала с деньгами, она столкнулась со случайно оказавшимся в квартире мастером Жуком, который и запомнил ее лицо. История невероятная, и Медведкин до сих пор пребывал в недоумении, как могла Наташа так легкомысленно впустить в свою квартиру совершенно незнакомую женщину и даже довериться ей, рассказав о деньгах. Олег сам лично допрашивал продавщиц из салона штор, просил их, чтобы они вспомнили, как выглядела женщина, с которой Наташа выбирала шторы, и по описаниям выходило, что речь шла об одной и той же женщине: высокой молодой шатенке, довольно эффектной, производящей вполне благоприятное впечатление. На вопрос Медведкина,

не бывала ли в салоне эта особа прежде, никто не смог ответить ничего определенного, никто ничего не запомнил. Понятное дело, что одного описания мастера было недостаточно для того, чтобы найти девушку-убийцу. И вдруг теперь, спустя пять лет, в кабинете следователя прокуратуры Медведкина снова появился мастер Жук.

– Вы не помните меня, наверное. Моя фамилия Жук.

Конечно, он не сразу вспомнил его, хотя лицо и показалось ему знакомым.

– Я видел ее.

– Кого?

– Ту девицу, которая столкнула Наташу Дубровиц с окна. Я узнал ее по ушам. Раковины ушей похожи на розы.

Это было интересно, Олег был удивлен и обрадован одновременно.

– Вы знаете, где она?

– Я выследил ее и могу сказать, где она живет.

Это было невероятно. Олег уже представил себе, как едет за этой девицей, как задерживает ее по подозрению в убийстве Дубровиц, но где доказательства? Ее красивые, в форме розы, уши? И это все? Но адрес он все-таки записал и сам поехал туда. Конечно, в квартире никого не оказалось, хотя соседи подтвердили, что там живет молодая женщина, что она сняла квартиру пару месяцев тому назад, но имени ее никто не знает.

– Она живет одна?

Оказалось, что одна, но к ней иногда приезжает молодой мужчина на красивой иномарке. Это все. Квартиру вскрыли, но не нашли там ничего интересного. Обычный набор мебели, непритязательная обстановка, пустой холодильник и несколько обмылков в ванной комнате. Квартира имела нежилой вид. Хозяйка квартиры, которая сдавала ее девушке, сказала, что паспорта своей квартирантки, которую звали Валя, она не видела, да особо и не настаивала – Валентина заплатила ей за три месяца вперед. В квартире устроили засаду, но Валентина так и не появилась, хотя должна была бы вернуться за своими вещами, за дорогой шубой, например. Но, возможно, Жук ошибся, эта девушка не имеет никакого отношения к убийству Дубровиц и вообще уехала отдыхать на море. Медведкин быстро остыл и занялся своими текущими делами, в то время как Жук даром времени не терял и продолжал наблюдать за квартирой, вооружившись фотоаппаратом. Видно, он потерял покой, обратившись к Медведкину и подняв шумиху вокруг давно забытого дела. И ему повезло – девушка появилась. Откуда-то действительно вернулась, нагруженная тяжелой дорожной сумкой. Он фотографировал ее все то время, что она шла от такси до подъезда. Дальше не пошел, позвонил Медведкину и сказал, что «птичка попала в клетку». Но после звонка следователю его самого вызвали на работу, и он вынужден был уйти. Олег тоже был сильно занят – исчезла женщина, известная в городе бизнес-леди, Людмила Белоус. Ее влиятельные

друзья открыто предлагали ему деньги, чтобы только нашли ее, несмотря на то что видимых причин для беспокойства не было – секретарша Белоус сказала, что ее хозяйка отдыхает под Сочи, где у нее свой дом. Однако дозвониться до этого дома никому так и не удалось. Сам прокурор попросил Медведкина связаться с сочинской прокуратурой, чтобы выяснить, где находится Людмила. По обрывочным сведениям получалось, что Людмила действительно уехала на море, ее там видели, но в доме ее нет, хотя там была другая женщина, скорее всего домработница... Прокурор вызвал Олега к себе и предложил ему самому прокатиться на море, попытаться разыскать Белоус и заодно, как он выразился, «позагорать».

Как раз в ту минуту, когда они беседовали в прохладном кабинете прокурора, Медведкину на сотовый и позвонил Жук.

– Хорошо, я выезжаю... – пообещал он мастеру, пожал руку прокурору, вышел из кабинета и поехал по известному ему адресу. Но никакой девушки он в квартире уже не нашел. Хотя Жук не лгал – в квартире действительно кто-то побывал. Шкафы были открыты – в них висели пустые вешалки. Спешно покинули жилище... Мокрая тряпка, валявшаяся в ванной комнате, навела Медведкина на мысль, что ею Катя-Валя протирала те места в квартире, на которых могли остаться отпечатки пальцев. Во всяком случае, прибывший на место эксперт не нашел ни одного «пальчика».

Удивительный случай.

Вечером этого же дня к нему приехал взмыленный Жук и

высыпал на стол снимки. И на всех – каждый шаг незнакомки, высокой стройной блондинки в ярком бирюзовом летнем костюме.

– Пленка есть?

– Есть! – с готовностью выпалил Жук, протягивая пластиковый футляр с пленкой. – Это точно она, я ее узнал... Вот эти снимки, где она оглядывается.

В лаборатории снимки были увеличены. Медведкин внимательно смотрел на уши девушки. Да, действительно, никогда прежде он не видел таких интересных ушных раковин. Жук и здесь оказался прав, когда обратил на них внимание. Оставалось только предъявить фотографии Дубровицу, чтобы и он опознал по снимку приятельницу своей покойной жены.

И вот теперь Дубровиц сидел напротив него на стуле с выражением величайшей муки на лице.

Олег достал несколько фотографий с изображением разных девушек и предложил Валерию посмотреть их.

– Может, вы кого узнаете... – сказал он.

Дубровиц принялся рассматривать фотографии.

– Ну да, это она, Катя. Я узнал ее... – безошибочно определил он, ткнув на снимок девицы с ушами в форме розы. – Высокая девка, наглая рожа... Вы показывали фотографии мастеру?

Удивительное дело, думал Медведкин, но и Дубровиц, несмотря на то, что смерть молодой и любимой жены силь-

но травмировала его психику, ни разу не допустил мысли о причастности к убийству самого мастера Жука.

– Да, показывал... Он и снимал эту девицу. Только мы все равно опоздали... – и он рассказал о звонке мастера.

– Понятно... И ни одного отпечатка? Странно, – Дубровиц продолжал разглядывать снимки. – А вот эту особу я тоже знаю. Ее фамилия Белоус. Ее можете ни в чем не подозревать. Кристальной чистоты женщина. Мне приходилось с ней работать. Я не знаю, как у вас оказалась ее фотография, но Мила – исключительно порядочный человек, и если вам кто-нибудь скажет о ней какую-нибудь гадость – не верьте. Таких людей мало, особенно если учесть, что она ворочает большими деньгами...

– Она исчезла, – сказал Медведкин. – Пропала, и ее не могут найти.

– А вот в это поверить могу. Или убили, или она сама сбежала.

– Почему?

– Бизнес. Большие деньги, – коротко пояснил Дубровиц. – Так вы будете искать эту суку?

Видимо, этому интеллигентному человеку было трудно назвать убийцу своей жены более приличным словом.

– Обещаю, что буду искать. Но вот найду ли...

– Я тут принес вам кое-что интересное, на мой взгляд... Это, правда, московская газета за прошлый год... Я был в командировке в Москве, купил на вокзале газеты, чтобы по-

читать в поезде, и наткнулся вот на это...

Он развернул газету и ткнул пальцем в маленькую заметку в колонке криминальных новостей. «14 сентября в доме 35 по улице Цандера из окна выбросилась молодая женщина К. Есть свидетели, которые утверждают, что слышали доносящиеся из ее квартиры женские крики, шум, грохот мебели... Следствие выясняет, сама ли хозяйка выбросилась из окна или же ее вытолкнула неизвестная женщина, которую одна из соседок видела на лестничной клетке. На убежавшей была норковая шуба К., а в руках – большая спортивная сумка, которую соседка также видела в квартире погибшей К. По оперативным данным, К. владеет сетью палаток на Черкизовском рынке, живет одна. Возможно, ее убили с целью наживы, поскольку продавцы, работавшие на К., подтвердили, что в день убийства у хозяйки было при себе много наличных денег – около сорока тысяч долларов, с которыми она собиралась ехать в Турцию за товаром».

– Вы мне оставите эту газету?

Дубровиц посмотрел на него взглядом побитой собаки. Олег позвонил в информационный центр – его интересовали все аналогичные случаи в Саратове, Москве и в других городах. *Ни тебе оружия покупать, ни яд доставать, ни душить, ни ножом орудовать – столкнул с подоконника – и дело с концом...*

Глава 4

Открыв глаза и вспомнив, что она находится в мотеле, где все напоминает о том, кто должен за ней приехать и зачем, она вновь почувствовала неприятный холодок внутри. Страх просыпался вместе с ней и толкал ее в спину: вставай, тебе нельзя здесь больше находиться, с минуты на минуту тут будет он, наверняка он не испугался, в отличие от тебя, он ничем не рискует, собирайся и уезжай...

Лена с трудом поднялась с постели. Резкая боль в затылке вызвала произвольный стон. Лена механически заправляла постель, собирала вещи: зубную щетку, шампунь, пижаму... Да, вот теперь-то она твердо знала, что ей следует делать. Она не станет возвращать машину Тахирову, не будет, и все. И что он ей сделает? Разве он не понимает, что с ней сейчас нельзя портить отношения, что она слишком многое знает о его планах, а потому с ней (*то есть, со мной!*) лучше не связываться! Она поедет в Москву, прямо на машине, к тетке. Та несколько раз писала ей в письмах о том, что у нее на примете есть для Лены жених, хороший парень с квартирой, с работой, с деньгами. Пусть тетка сведет ее с ним, а вдруг он действительно то, что надо. Квартира в Москве – это уже неплохо. Да и от Тахирова нужно держаться подальше. Вот теперь он, а не она будет вздрагивать от каждого телефонного звонка, пусть поломают голову, где Лена, куда

подевалась и не успела ли кому растрепать про готовящееся убийство. Конечно, Тахиров не дурак и сразу смекнет, что она струсила и сбежала, но это все равно куда лучше, чем прострелить голову Белоус. «*Никаких гарантий, никаких гарантий*», – твердила она, бегая по комнате в какой-то нервной лихорадке и словно оправдывая свое бегство.

Наконец все было уложено. «*Боже, сколько вещей, а ведь я собиралась здесь всего лишь провести ночь!*»

Она решила присесть: на дорожку. И как раз в это время услышала шаги за дверью. Впору было забираться от страха в шкаф. Да, это пришли явно по ее душу. Кто-то остановился и замер, вероятно, тоже прислушиваясь к звукам, доносящимся из номера. Наконец нерешительно постучали.

– Да... – сразу охрипшим голосом прошептала она, после чего повторила это чуть громче: – Да!

– Это я, Оля!

Лена только сейчас сообразила, что дверь заперта на ключ. Открыла, впустила сияющую утренними свежими красками Олю.

– Доброе утро, – улыбнулась девушка и, склонив голову набок и щурясь на бившее в глаза солнце, прошептала:

Видели всё на свете
Мои глаза – и вернулись
К вам, белые хризантемы.

Правда, красиво? Наверное, так и становятся поэтами...

Чем больше читаю, тем больше вижу красивого вокруг...
Пытаюсь сочинить что-то сама, но не получается: в голове постояльцы, закупка продуктов, уборка комнат...

Она вздохнула, но улыбка по-прежнему сохранилась на ее губах.

– Вам пакет, – вдруг вспомнила она, зачем пришла.

– Пакет?

Оля протянула сверток – небольшой прямоугольник, обернутый в коричневую плотную бумагу и перевязанный бечевкой.

– И откуда он у вас?

– Какой-то парень с «КамАЗа» передал, просто сунул, сказал: девушке с «Фольксвагена», она ночевала здесь.

– Что, даже имени не назвал?

– Сегодня здесь ночевала только одна девушка – это вы. Разве вы не ждали пакета?

– Скажите, мне никто не звонил?

– Кто-то звонил довольно долго, но, когда я подбежала к телефону, звонки прекратились, я опоздала. К сожалению, так часто бывает. Хозяин никак не может раскошелиться на радиотелефон, вот и бегаем по всей гостинице... Вы завтракать будете?

– Кофе... – она не отрываясь смотрела на сверток, не в силах предположить, что там может быть. Парик? Пистолет? – Если можно, чашку кофе и больше ничего.

– С молоком?

– Нет. И без сахара, – ответила она, хотя всегда пила с молоком и с сахаром. Она словно решила себя наказать и выпить кофе горький, как яд.

Оля ушла. Лена заперла за ней дверь лишь после того, как шаги девушки стихли на лестнице. Дрожащими руками развязала бечевку и развернула сверток. В нем оказался темно-синий пластиковый пакет, туго свернутый и скрепленный широким скотчем. Она порвала пакет, пока добралась до содержимого. Это были деньги. Приличная пачка долларов, перетянутая розовой резинкой. И письмо, явно написанное на компьютере и выведенное на принтере. *«Привет. Как видишь, все идет по плану. Это твои деньги, а потому поступи с ними, как тебе заблагорассудится. Но я советую придержать их, ты же не знаешь, как дальше повернется жизнь. Ты меня хотя и не видишь, но я продолжаю тебя сопровождать. До следующей остановки. Ничего не бойся, твоя Н.»*

Сердце ее билось, как если бы она узнала, что выиграла миллион. Хотя тут всего-то было пять тысяч долларов. Она успела их пересчитать быстрее, чем пришло осознание того, что ее с кем-то явно перепутали. Что ж, тем лучше. Она не знает никакой Н., ни с кем и ни о чем не договаривалась, а потому надо быстро садиться в машину и лететь в Москву, не дожидаясь появления здесь Тахирова! Мало ли девушек останавливается по всей трассе на «Фольксвагенах»...

– Хотите на дорожку еще одну хайку? – Оля провожала ее

немного грустными глазами. – Вот, слушайте:

Как же это, друзья?

Человек глядит на вишни в цвету,

А на поясе длинный меч!

Лена чуть не выронила сумку. Эта девушка словно читала ее мысли. Действительно, как это можно наслаждаться видом цветущей вишни, когда у тебя на поясе длинный меч, призванный убивать? Как можно улыбаться этой милой девушке, зная, что у нее будут колоссальные неприятности, когда выяснится, что она отдала пакет с пятью тысячами долларов не той постоялице? Возможно, та, которой был предназначен этот пакет, появится здесь с минуты на минуту. Нет, медлить нельзя было ни секунды... Попрощавшись с Олей и поблагодарив ее за гостеприимство, Лена выехала с территории мотеля, развернулась и покатила по трассе. Мысль о московском женихе показалась ей еще более приятной и обнадеживающей. Уж в Москве-то ее точно никто искать не будет.

По дороге она заехала на заправку, залила полный бак бензина, там же ей повезло разменять пятьсот долларов у хозяина кафе, улыбающегося беззубого азербайджанца в белом костюме и в смешных узконосых белых же башмаках. Он предлагал ей попробовать яичницу с помидорами, но она и слышать ничего не хотела о еде. Мысли ее метались от Тахинова к незнакомке «Н.», благодаря которой она так легко

обогадилась на целых пять тысяч долларов. Наверняка девушка на «Фольксвагене», та самая, которая должна была оказаться на месте Лены и получить пакет, находится уже в мотеле и разбирается с перепуганной насмерть Олей, возможно, обвиняет ее в том, что та украла деньги. Но Лену это теперь касаться не должно – с каждым часом она отдалялась от этого злосчастного мотеля все дальше и дальше. Ветер, врывающийся в окна, разметал волосы и, казалось, выдул из головы последние мысли. Она просто летела навстречу ветру, дороге и неизвестности. Мелькали поля, леса, поселки, убогие деревни, бросались под колеса гуси и утки, болтались на ветру ряды белых шерстяных носков с розово-зеленым орнаментом – маленький бизнес местных женщин, пеклись на солнце притулившиеся на сложенных на траве пиджаках и кофтах продавцы яблок под Мичуринском...

Когда вечером у дороги показался уютный мотель – белоснежное двухэтажное строение с изумрудно-зеленой черепичной крышей, Лена поняла, что смертельно устала и что у нее просто нет сил ехать дальше. Во-первых, она была страшно голодна, во-вторых, у нее кружилась и болела голова. Ей предоставили одноместный номер, в котором имелось все необходимое: душ с теплой водой, туалет, диван, шкаф, журнальный столик, два кресла и холодильник. Немолодая женщина в цветастом платье без стука вошла в номер и, даже не извинившись, прошла и бросила на диван стопку белья.

– Вот, постелите, – буркнула себе под нос и ушла, явно

думая о чем-то другом. Даже дверь прикрыть забыла.

Служанка в гостинице —
взгляд задумчивый, грустный.
Принесла чистое белье.

Эта хайку родилась сама собой. Оказалось, что сочинять подобные стихи совсем нетрудно. Особенно если у тебя хорошее настроение и ты готова прощать окружающим тебя людям все, даже невежливое обращение. Что стоило, к примеру, этой женщине не швырнуть белье, а самой аккуратно застелить, ведь мотель не дешевый, и за те деньги, которые здесь берут за ночлег, можно не только застелить постель, но вымыть несколько раз полы, проветрить номер, вычистить душевую кабину с унитазом, протереть зеркало... Ну да ладно, это же Россия, а не Германия, по которой так сходит с ума Мила Белоус. Лена знала это со слов Тахирова и сама в душе мечтала посмотреть эту страну. Вот так мысли ее перескакивали с одной темы на другую, пока не натолкнулись на возможный брак с неизвестным ей московским парнем. *«Если я выйду замуж, то уже никуда не поеду. Мне придется отчитываться перед мужем за каждый свой шаг, объяснить, на что потратила деньги... А если родится ребенок?»*

Вот с Тахировым в этом плане было бы проще: он не любит детей да и к деньгам относится легко, не считая. В сущности, они были бы прекрасной парой. Интересно, где он сейчас, о чем думает, злится ли на исчезнувшую Лену,

разыскивает ли ее?

Лена помылась, выстирала белье и развесила сушиться на кем-то заботливо натянутую поперек душевой кабины тонкую леску, переделась и спустилась в кафе, где заказала жареную рыбу с рисом, салат и яблочный сок. Пожалуй, впервые она почувствовала себя по-настоящему свободной. После сытного ужина ее потянуло в сон. Она поднялась в номер. Сил на то, чтобы постелить постель, не было. Накинув на диван простынку и даже не удосужившись надеть на подушку наволочку, Лена быстро разделась и рухнула в постель. Сон мгновенно поглотил ее. И почти тотчас она оказалась кем-то разбуженной. Она, не открывая глаз, ощущала, как кто-то трясет ее за плечо.

– Проснитесь!

Она поняла, что боится открывать глаза. Это был уже не сон, нет, она чувствовала запах пыли – так пахло в гостиничном номере. Это все было явью, и какой-то женский голос звал ее по имени.

– Кто это? – спросила она как можно спокойнее, боясь выдать волнение. – Ну, чего вам?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.